

Глава 22. Призрачная картина

Гао Ли сроду не видал ни бодхисаттв, ни Будды. Но если бы у милосердного лика было имя, им бы стало имя Гао Цзылиня. Только благодаря встрече с ним Гао Ли перестал быть бродячим псом, ищущим приюта под чужими крышами. У него появилось имя.

Парень оказался работающим и сметливым: он помогал Гао Цзылиню в делах, не чураясь никакой чернильной или тяжёлой работы. Тот ценил его рвение, учил грамоте и лелеял надежду, что однажды воспитанник добьётся чинов. Гао Ли учился прилежно, и звание цзюйжэня было ему по плечу, но когда огласили списки сдавших провинциальные экзамены, его имени там не оказалось. Выяснилось, что деревенские, пустив в ход связи, вычеркнули его, впихнув на освободившееся место Мочжу-кэ. Гао Цзылинь тогда долго и яростно спорил с Чжоу Чжаотаном, но толку не добился.

Гао Ли сам уговаривал наставника не гневаться и дожждаться следующего года. Тот, хоть и кипел от обиды, вынужден был смириться. Он так полюбил юношу, что даже подумывал выдать за него свою дочь, Юйянь. Это известие окончательно разъярило Ли Фугуя и остальных — зависть к безродному выскочке застила им глаза.

В ту роковую ночь Гао Ли тоже одурманили сонной смесью. Ли Фугуй с приспешниками, не в силах простить, что молодая госпожа предпочла его им, в порыве злобы переломали парню ноги и раздробили кости предплечий. Когда вспыхнул огонь, Гао Ли первым очнулся от резкой боли, рвался спасти наставника, но со сломанными конечностями не мог даже ползти.

Гао Цзылинь, уже угасая, прохрипел ему:

— Уходи... беги скорее... Ты должен выжить, чтобы отомстить за нас...

Охваченный отчаянием, Гао Ли метался, но дверь заперли снаружи. Гао Цзылинь прижал воспитанника к себе, прикрывая своим телом от бушующего пламени. Когда оконная рама наполовину прогорела и рухнула, Гао Ли, собрав последние силы, вывалился наружу. Во дворе бушевал пожар, и единственным спасением оказался колодец, в котором он прятался, пока пламя не утихло.

Долгое время он скрывался в горах, дожидаясь, пока срастутся кости. Ради мести он надел маску безумца: не отвечал на побои и ругань, даже валялся в нечистотах, заставив всех поверить, что он действительно лишился рассудка.

На алтаре огонь разгорался всё жарче, едкий дым заставлял людей внутри задыхаться и выть от ужаса. Лю Чжэн попытался прорваться к выходу, но Гао Ли выхватил спрятанный за спиной нож, и тот в страхе отпрянул назад.

Внезапно за спиной Гао Ли послышались шаги. Лезвие меча Цзян Ехуна пронеслось в волоске от его лица. Хромой Гао Ли, пытаясь уклониться, поскользнулся на каменных ступенях и

рухнул вниз. Тяжёлая сталь мгновенно прижала его шею к земле.

Лю Чжэн и остальные бросились вон. Чжао Чэнь с людьми принялись тушить огонь. Лишь через два часа, когда сосновое масло наконец выгорело, пожар удалось побороть. Алтарь Лунного Божества стоял закопчённый и чёрный, но тех, кого избрали для жертвоприношения, удалось спасти — они лишь наглотались дыма и лишились чувств.

Цзян Ехун велел согнать всех жителей деревни. Опираясь на верный меч, он холодным взглядом обвёл притихшую толпу и задержал взор на схваченном Лю Чжэне.

— Почтенные соседи, — голос главы павильона резанул тишину, — сегодня мы сорвём покровы с тайны, что десятилетиями тяготела над деревней Девяти Семей. А-Жо, прошу.

Жун Жо вышел вперёд.

— Земляки, Лунного Божества, которому вы поклоняетесь, не существует.

Он подошёл к скале с факелом в руке.

— Посмотрите на фреску Лунного Божества. Это лишь переделка старого изображения. Мастер использовал особые краски, которые, как выяснилось, отслаиваются от жара.

Жун Жо поднял факел выше. На почерневшей стене облетела корка краски, обнажая лик бодхисаттвы Кшитигарбхи. Толпа ахнула. Оказалось, их святыня была нарисована поверх лика Будды — святотатство, не поддающееся осмыслению.

Жун Жо поднялся на алтарь. Использовать демонические образы, чтобы прикрывать ими святыню и творить зло, — верх кощунства.

— Но дело не только в стенах. Посмотрите на этот бронзовый треножник. Это вовсе не бронза, а обычный камень, покрытый слоем патины.

Он провёл ладонью по чаше, и его пальцы окрасились в грязно-зелёный цвет. Гао Ли разразился безумным хохотом:

— Какое ещё божество?! Какой треножник?! Только такие олухи, как вы, могли в это поверить! Восемьдесят лет назад сюда прибежали девять семей из северных степей — обычные бродяги, спасавшиеся от голода. Они нашли золото под статуей Кшитигарбхи, но места здесь были слишком хороши для пашни. Чтобы удержать власть над пришлыми и править здесь, как маленькие царьки, они выдумали сказку о Лунном Божестве, взяв за основу легенды народа су из Западной Чжоу. И кто же знал, что вы, дурни, поверите? Ложь со временем стала истиной, инструментом власти. Ха-ха-ха! Как же это нелепо!..

В толпе воцарилось мёртвое молчание. Люди, годами хранившие верность жестоким обычаям и сословным порядкам, вдруг осознали, что поклонялись пустоте. Седовласая женщина бросилась на алтарь, озираясь безумным взглядом.

— Я же говорила... говорила, что это обман! — она зашлась в рыданиях, рухнув на камни. — Верните мне дочь... Где мой ребёнок? Где?!

Вслед за ней на алтарь поднялись ещё несколько человек, ища следы своих детей. Почерневшие желоба в камне — дорожки, по которым когда-то текла кровь. Двое парней заглянули внутрь фальшивого треножника и с криком отпрянули.

Цзян Ехун вскочил на край чаши, заглянул внутрь и тут же отвернулся — вид белеющих черепов заставил кровь застыть в жилах. Он посмотрел на Гао Ли, который всё ещё содрогался в смехе.

— Ты годами терпел унижения только ради того, чтобы вырезать их всех?

— Разумеется. Они заслужили смерть. Все до единого.

— Как ты их убил? И откуда взял яд?

Гао Ли, преодолевая боль, задрал голову.

— В пяти шагах к юго-востоку от алтаря есть плита. Нажми на неё, и откроется тайник. Там — безмолвные черви-невидимки. Старейшины сами разводили их, подражая шаманам Мяоцзяна, чтобы насыпать «проклятие Лунного Божества» на неверных.

Цзян Ехун отсчитал шаги, нажал на выступ, и в полу скрежетнула скрытая заслонка. В небольшом углублении, заполненном водой, копошились почти прозрачные личинки. Сквозь тонкие щели внутрь постоянно сочилась свежая вода. Глядя на это, Цзян Ехун едва сдержал тошноту.

Жун Жо молча взирал на червей, скрывая в глубине глаз холодный блеск.

— Чжоу Чжаотана и Ло Чуньчжи убил ты, — констатировал Цзян Ехун. — Но Ли Фугуй и остальные?

— Тоже я, — Гао Ли уже нечего было скрывать.

— С помощью «Картины летящих небожителей»? — усмехнулся Цзян.

— Эти выродки любили выпить. Яд этих червей мгновенно пробуждается в вине. Убить их было проще простого. Они пугали ядом крестьян, а я уничтожил их самих. Это лишь возмездие, закон причин и следствий.

Гао Ли действительно был хром. Жун Жо понимал: добраться из столицы в деревню и обратно за столь короткое время было почти невозможно. Тем более в ночь смерти Лю Юаня, когда Гао Ли видели у дверей их комнаты в деревне — он тогда ещё оставил ветку с ароматом дурмана. Чтобы провернуть такое, нужно либо уметь проходить сквозь землю, либо летать.

Жун Жо подошёл ближе и склонился к самому уху Гао Ли, едва заметно улыбнувшись.

— Есть вещи, которые невозможно совершить в одиночку, — тихо произнёс он.

Гао Ли вздрогнул и отвёл взгляд. Цзян Ехун не расслышал слов, но его кольнуло недовольство — зачем Жун Жо придвинулся так близко к собеседнику?

Отогнав странное чувство, глава павильона обернулся к Лю Чжэну и ткнул его остриём меча в грудь.

— Это ведь ты напал на меня в руинах поместья Гао? Отвечай, куда делись три сестры Гао?

— Господин, клянусь, я тут ни при чём! — взвизгнул Лю Чжэн, корчась под мечом. — Это всё Ли Фугуй и его дружки, точно вам говорю!

— Точно? — Цзян Ехун надавил сильнее.

— Пощадите! В этой деревне я был лишь псом на побегушках у стариков. Они слова поперёк сказать не давали, а уж до женщин, на которых они положили глаз, мне и подавно ходу не было. Это они сгубили девчонок, Чжоу Чжаотан и Ло Чуньчжи сами в этом их подозревали!

Цзян Ехун брезгливо оттолкнул его ногой.

— Подозревали, значит... Выходит, вы и сами не знаете, где тела сестёр Гао?

— Не знаем! Клянёмся! Мы все думали на Ли Фугуя, но доказательств не было... Вы спросите Гао Ли, он-то наверняка знает, кто погубил трёх сестёр Гао!